

Виталий Филс

Кофейня без адреса. Бариста

«Автор»

2026

Филс В.

Кофейня без адреса. Бариста / В. Филс — «Автор», 2026

Роман «Кофейня без адреса» — философская притча, рассказанная языком магического реализма. Главный герой, Михаил, двадцать лет стоит за стойкой кофейни, которой нет ни на одной карте мира. Он не просто варит кофе — он видит будущее каждого посетителя и предлагает ему три пути: безопасный, рискованный и третий, о котором почти никто осмеливается спросить.

Правила кофейни неумолимы: бариста не может покинуть её, пока кто-то не сделает выбор за него. Двадцать лет назад Михаил потерял жену и дочь при обрушении моста. Он думал, что они погибли. Но однажды в кофейню приходит Яна — его дочь, которая выжила и теперь ищет отца. Она готова пойти на всё, чтобы вырвать его из плена кофейни, даже если это означает разрушение того единственного места, где безнадёжные люди находят свой шанс.

© Филс В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Филс

Кофейня без адреса. Бариста

Кофейня без адреса. Бариста

Акт I. За стойкой

Глава 1

Михаил открыл кофейню в четыре тридцать утра. Он всегда открывал в четыре тридцать, хотя никто не требовал. Просто так удобнее — успеть протереть столы, проверить запас зёрен, убедиться, что молоко не скисло, и посмотреть на улицу до того, как появятся люди.

Он выглядел на тридцать пять. Сколько ему было на самом деле — даже он не знал. В кофейне время текло иначе. Не останавливалось, но и не спешило. Как вода в кофейнике, которая почти кипит, но ещё нет.

За стойкой стояла полка. На ней — три чашки. Первая, лунная, с лёгкой царапиной на дне. Вторая, угловатая, коричневая, с отколотым краем. Третья, тяжёлая керамическая, с трещинкой, склеенной почти незаметно. Михаил вытирал их каждое утро, хотя они были пусты и чисты. Это был ритуал. Как чистка зубов у обычных людей.

Сегодня было особенное утро. Он чувствовал это в пальцах, когда засыпал зёрна в кофемолку. В кофейне не было календарей — они теряли смысл. Но иногда, очень редко, приходило ощущение, что воздух становится плотнее. Как перед грозой, только внутри.

Михаил достал с полки четвёртую чашку. Она была простая, белая, без рисунка. Он поставил её рядом с тремя и посмотрел на них. Четыре. Впервые за много лет.

— Значит, сегодня, — сказал он пустой кофейне.

Никто не ответил. Кофеина не отвечала голосом. Она отвечала запахом, светом, присутствием. И сейчас она пахла не только кофе и старыми книгами. Она пахла ожиданием.

Глава 2

Яна стояла на углу и смотрела на стену.

Она знала этот переулок. Не по адресу — адресов здесь не было. Она знала его по ощущению. По тому, как дождь вдруг становился теплее, когда ты сворачиваешь не туда. По тому, как асфальт под ногами меняет звук. По тому, как сердце начинает биться чаще, хотя ты идёшь медленно.

У неё был рюкзак. Большой, набитый не по-дорожному — вещи были брошены наспех, сверху торчал конверт с билетом. Билет в один конец. Она купила его неделю назад, сидя ночью за ноутбуком, и до сих пор не понимала — куда едет. Или зачем.

Она увидела витрину. Тёплый свет. Деревянную вывеску.

Яна толкнула дверь.

Внутри было пусто. За стойкой стоял мужчина. Он вытирал чашку тряпочкой и не поднял глаз сразу — сделал это медленно, как будто движение требовало усилия.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила Яна. Её голос дрогнул. Она не знала почему.

Она села за столик у окна. Самый дальний, в углу. Спрятала рюкзак за ногой. Положила на стол телефон и смотрела на него, не включая.

Бариста молчал. Он не спрашивал, что заказать. Он ждал. Это было странно — обычно в кофейнях спрашивают сразу. Но здесь было не так.

Яна смотрела на него. Он был моложе, чем она ожидала. Тридцать пять, не больше. Но глаза — старые. Не усталые, как у вахтёра или ночного охранника. А старые по-другому. Как у человека, который видел слишком много финалов.

Она отвела взгляд. Смотрела на руки. На стол. На трещину в плитке пола. На всё, кроме него.

Бариста положил тряпочку и достал с полки четыре чашки. Поставил их на стойку. Яна заметила — три были использованные, следами, с историей. Четвёртая — новая, белая, пустая.

Она открыла рот, чтобы спросить. Но не успела.

— Сегодня акция, — сказал он, не глядя на неё. — Два варианта будущего бесплатно. Третий — за отзыв.

Яна вздрогнула. Не от слов. От того, как он их произнёс. Как будто читал по памяти текст, который знал наизусть, но который всё ещё его пугал.

Глава 3

Первый день Яна просидела два часа и ничего не заказала.

Она пила воду из стакана, который бариста поставил молча, не спрашивая. Смотрела в окно. На улице был дождь, потом перестал, потом начался снова — но в кофейне это было неважно. Окно показывало не столько улицу, сколько погоду настроения.

Михаил работал за стойкой. Молча. Он не подходил к ней, не предлагал меню, не включал музыку. Он просто был. И это было хуже, чем если бы он лез с разговорами.

Он краем глаза смотрел на неё. На то, как она держала стакан — двумя руками, хотя там была простая вода. На то, как она моргала — редко, долго, как будто боялась пропустить что-то важное. На её глаза.

Глаза Анны. Те самые. Серые, с жёлтым кольцом вокруг зрачка. Он думал, что забыл. Но память в кофейне не умирает — она просто откладывается на полку, как чашки.

Вечером Яна ушла. Не попрощалась. Оставила стакан наполовину полным.

Михаил подошёл к столику. Поднял стакан. На салфетке, под ним, лежал билет. Он не тронул его. Билеты — это выбор. А выбор принадлежит гостю, пока гость не ушёл.

Он оставил билет лежать.

Второй день Яна пришла в то же время. Села за тот же столик. Положила рюкзак на то же место. На этот раз у неё не было билета — она спрятала его глубже.

Михаил молча поставил перед ней стакан воды. Она молча взяла его.

Они не разговаривали. Но молчание было разным. Вчера оно было чужим. Сегодня — осторожным. Как в комнате, где кто-то спит, и ты боишься разбудить.

Третий день Яна пришла с мокрыми волосами. Дождь был сильнее, чем вчера. Она села не в угол, а ближе к стойке. На расстоянии вытянутой руки.

Михаил вытирал чашку. Ту самую, белую, четвёртую. Он знал, что она для неё. Но не спешил.

— Вы каждый день открываетесь в четыре тридцать? — спросила Яна.

— Да.

— А закрываетесь?

— Когда уходит последний гость.

— А если гость не уходит?

Михаил остановился. Положил чашку на стойку. Впервые за три дня посмотрел ей прямо в глаза.

— Тогда я жду, — сказал он. — Я умею ждать.

Глава 4

Четвёртый день Яна подошла к стойке.

Она не заказала кофе. Она положила на стойку ладони — пальцы к пальцам, как будто молилась или пряталась.

— Вы кого-то ждёте? — спросила она.

Михаил смотрел на её руки. Маленькие, с синими венками на запястьях. Он знал эти руки. Он держал их, когда она была маленькой. Когда она училась ходить. Когда она плакала ночью, и он качал её, стоя у окна, потому что Анна спала, уставшая.

— Я жду всех, — сказал он. — Это моя работа.

— Нет, — покачала головой Яна. — Вы ждёте кого-то конкретного. Я вижу. Вы смотрите на дверь не так, как на часы. Вы смотрите, как будто боитесь, что она откроется. Или что она не откроется.

Михаил молчал. Его руки лежали на стойке — тяжёлые, спокойные. Внутри что-то дрожало, но он двадцать лет учился не показывать.

— Я ищу человека, — сказала Яна. — Мужчину. Его звали Михаил. Он умер, когда мне было четыре года. Или его объявили погибшим. Я не знаю точно. Я знаю только, что он был инженером. Строил мосты. И что однажды мост рухнул, и его не нашли.

Она говорила быстро, словно боялась, что не хватит воздуха. Или что он прервёт.

— Я росла в приёмной семье. Они хорошие люди. Но я всегда знала, что он где-то есть. Или что он ждёт. Или что я должна его найти. Я не знаю почему. Просто знала.

Она замолчала. Смотрела на него. Ждала.

Михаил отвёл глаза. Посмотрел на полку с чашками. На белую, четвертую. Он думал о том, что она не спрашивает — а говорит. Она не просит подтверждения. Она просто кладёт перед ним свою историю, как билет на стойку, и ждёт, что он сделает следующий ход.

— У вас есть фотография? — спросил он. Голос был ровным. Он гордился собой за эту ровность.

Яна покачала головой.

— Нет. Только имя. И ощущение. — Она помолчала. — И ещё билет. В один конец. Я купила его, потому что не знала, куда деваться. А теперь я здесь. И не знаю, уехать или остаться.

Михаил поднял белую чашку. Повертел в руках.

— Если вы хотите вернуть мёртвого, — сказал он медленно, — закажите третий вариант. Но я не могу гарантировать, что это сработает. Я не могу гарантировать, что выживете вы.

Яна улыбнулась. Грустно, но искренне.

— А вы можете гарантировать, что это не обман?

Он посмотрел на неё. Впервые за четыре дня — прямо, без стёкол, без дождя, без чашек между ними.

— Нет, — сказал он. — Я не могу гарантировать ничего. Я могу только налить кофе.

— Тогда налейте, — сказала Яна. — С прогнозом.

Глава 5

Михаил варил кофе и думал о мосте.

Это было давно. До кофейни. До чашек. До правил. Он был инженером — не великим, но хорошим. Тщательным. Тем, кто проверяет расчёты трижды, потому что на мосту будут люди.

У него была жена. Анна. Она рисовала — не профессионально, для себя. Акварелью цветы, которые никогда не существовали. Она говорила, что настоящие цветы уже все нарисовали, а вот выдуманные — нет.

У них была дочь. Яна. Ей было четыре года, когда случилось. Она любила сидеть у него на коленях и смотреть, как он чертит. Не понимала, что такое чертёж. Думала, что он рисует дороги для машинок.

Михаил помнил тот день слишком хорошо. Или плохо. Память в кофейне работала как зеркало — показывала всё, но в обратном порядке. Сначала конец, потом начало.

Мост был новый. Его открывали с помпой, но Михаил не любил помпу. Он пришёл рано утром, до церемонии, чтобы проверить. Анна осталась дома с Яной — девочка простудилась, и Анна не хотела её брать на улицу.

Он стоял на мосту. Смотрел на воду. И почувствовал — не увидел, не услышал, а именно почувствовал — что что-то не так. Вибрация. Едва заметная, как дрожь в пальце.

Он позвонил Анне. Сказал, что проверка затянется. Сказал, что любит её. Сказал Яне, что купит ей мороженое. Положил трубку.

А потом началось.

Не обрушение сразу. А треск. Трещина. Крик рабочего снизу. Михаил бежал к тому месту, где, по его расчётам, была слабая точка. Он знал, что случится. И он знал, что не успеет одному.

Но он мог попытаться спасти тех, кто был на мосту. Рабочих. Прохожих. Двух школьников, которые зашли посмотреть.

Или он мог бежать домой. Забрать Анну и Яну. Увезти их. Потому что мост рухнет, и волна пойдёт в город. И их дом был близко.

Он выбрал третий путь. Он попытался и то, и другое.

Он спас людей на мосту. Он кричал, толкал, вытаскивал. Он был последним, кто стоял на конструкции, когда она пошла вниз. Он прыгнул в воду. Он плыл к дому. Он видел, как волна накрывает их квартал.

Он нашёл Анну. Она держала в руках рисунок. Несуществующий цветок. Она умерла, не отпуская его.

Яны он не нашёл. Её вытащили спасатели позже, когда он уже лежал в больнице, полуживой, с переломом рёбер и без голоса. Они сказали ему, что дочь погибла. Они ошиблись. Или соврали. Или просто не знали.

Он не проверял. Он выбрал третий путь — и потерял всё.

Когда он выписался, он шёл по улице. Без цели. Без голоса — он говорил шёпотом несколько недель. И тогда начался дождь. И он свернул не туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.